

В начале мая и «катившимся в июль летом» вновь побывал в родном краю – с. Селечне Суземского района, что на Брянщине.

Перед возвращением в Смоленск, которое каждый раз непросто мне дается, моя младшая дочь Катя сказала: «Папа, наверное, я люблю твою родину больше, чем ты сам!».

Неожиданное, хотя, конечно, имеющее под собой почву – признание.

И хожу я теперь – «давно человек городской» – под впечатлением и, с одной стороны, радуюсь, потому что далеко не каждый ребенок, родившийся и выросший в серых и подчас мрачноватых «лабиринтах каменных джунглей», способен полюбить село или деревню, в которых родились его отец или мать; с другой, – я как будто стал сам не свой, ибо слова эти всколыхнули меня, разбудили «дремлющую» память, возвращают назад, в то благословенное время, «когда деревья были большими», а я был маленьким.

Помню, я стою на дороге, по которой идут в школу ученики. Стою и – ни с места – капризничаю. А рядом стоит мой отец, с палкой-костылем в руке, на который он опирается (инвалид второй группы), – учитель этой самой школы; уговаривает меня идти скорее, чтобы не опоздать к началу урока. Школа находилась в небольшом двухэтажном кирпичном здании. Учеников было около 600 человек! Теперь это трудно представить...

Зимой 1969 года перебрались в новую школу, разместившуюся в только что построенном – огромном трехэтажном каменном здании, со столовой, большим спортивным залом, просторными, светлыми учебными классами. Вспоминается, как перевозили на санях разную школьную утварь; вижу и себя,

примостившегося рядом с «земным шаром», то есть огромным, едва ли не больше меня самого, глобусом. Мне тогда не исполнилось еще и четырех лет.

В памяти отложилось, как однажды летом – месяц или два я прожил у своей бабушки, в соседнем селе. Было мне уже годов пять – шесть.

Бабушка была весьма набожной. Знала многие религиозные праздники и молитвы. Она и меня научила молиться. И не «просто» молиться, а отбивать перед иконами, которых у нее было два десятка, – поклоны, с вставанием на колени и прикладыванием лба к дощатому, выкрашенному в коричневый цвет, полу. Тогда же я выучил молитву «Отче наш»:

«Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

Смысла и значения этой молитвы я, конечно, не понимал. Но со слов бабушки знал, что она поможет мне в трудную минуту.

Ну, а бабушкина соседка научила меня во весь голос распевать задорную песенку о трех веселых танкистах – «экипаже машины боевой». Только в песне были изменены слова. Она звучала так: «Три танкиста выпили по триста, а пехота только по сто грамм». Что именно пили танкисты и пехота – я уже знал...

Вскоре я пошел в первый класс. Кажется, это был солнечный день. Именно солнце и бездонное синее небо чаще всего вспоминаются мне, когда я мыслями возвращаюсь

в свое детство. А иногда – дождь, неторопливо и монотонно стучащий по зеленой листве берез.

В это время я получил одно из самых сильных эмоциональных впечатлений. В старом клубе, в который, порой, набивалось столько народу, что многим приходилось смотреть ту или иную картину, стоя в проходе, показывали фильм «Вий», с Леонидом Куравлевым и Натальей Варлей в главных ролях. И я каким-то образом пробрался на вечерний сеанс. Половину картины смотрел, то и дело поворачивая голову назад, потому что глядеть на экран, находившийся от меня на близком расстоянии, было страшно. А когда в конце фильма появился сам Вий и «железным» голосом произнес: «Подымите мне веки: не вижу», – какая-то сила сорвала меня с места и вынесла из помещения наружу.

Не чуя под собой ног, бежал я по темной улице, словно пушкинский герой от Медного Всадника по «потрясенной мостовой», – домой. Остановился только перед входом в подъезд.

И тут случилось нечто еще более жуткое. Я услышал медленный, глухой стук шагов по каменным ступеням. Кто-то – кого я не видел – спускался со второго этажа вниз. Этот кто-то подошел ко мне и – ни живого – ни мертвого – обнял. Это оказалась наша соседка по площадке.

Одно из удивительных воспоминаний – это исполнение мной в 4-м классе, на уроке пения, песни «Гулял по Уралу Чапаев-герой».

Гулял по Уралу Чапаев-герой,
Он соколом рвался с полками на бой.

Мне было жаль гибели отважного героя
Гражданской войны.

Река Урал глубокая,
Крутые берега,
А степь да степь широкая,
Там наши бьют врага.

Это был единственный раз за все 10 лет учебы – чтобы я один, «во весь голос», пел

эту (и вообще) песню. Я выучил ее по пластинке, которых у нас в доме было множество – песни Революции, Гражданской, Великой Отечественной войн, русские народные, романсы, частушки, современные отечественные и зарубежные исполнители, вокально-инструментальные ансамбли. Все эти песни я очень любил!

Кстати сказать, в некоторый период времени у меня, то есть у нас со старшим братом (младший был совсем еще маленький, а сестры еще не родились) были такие «игрушки», объяснить нахождение которых в доме я не могу. Ладно еще – красноармейская буденовка, офицерский ремень времен Великой Отечественной войны, а то ведь – настоящая, тяжелая сабля или шашка, и настоящая же винтовка, с обрезанным стволом – я до сих пор помню, как игрался с затвором. Потом сабля и винтовка куда-то безвозвратно исчезли.

Зато появились другие, далеко небезобидные «игрушки», которые, чуть повзрослев, мы делали сами, – пугачи, «припальники», стрелявшие дробью или мелкими кусочками проволоки, и тому подобное, делали гремучую смесь, разрывавшую на мелкие осколки стеклянные бутылки. Однажды один осколок мне насквозь пробил верхнюю губу (шрам остался на всю жизнь), а другой разрезал правую бровь. Угоди осколок чуть ниже – остался бы я без глаза...

А то, вообразив себя средневековыми рыцарями, взялись (мой друг Ю.С. и я) мастерить орудия для славных битв – мечи. Смастерили – из железных обручей, которыми скрепляют деревянные бочки. Смастерили. Стали закалять на огне. Все, как полагается. А костер развели прямо около дома товарища. Уже начала заниматься огнем краска, которой был выкрашен дом. Мы с другом растерялись и испугались, не зная, что делать. Слава Богу, пожар предотвратила его бабушка, оказавшаяся поблизости. Кажется, попутно, она хорошенько отходила нас по спиnam. Как бы не этими самыми рыцарскими мечами...

Запомнилось строительство Дома культуры, с огромным зрительным залом, высокой сценой, где, насколько мне помнится, предполагалось выступление даже артистов цирка. На одной из стен, с внешней стороны, красным выведен профиль головы вождя мирового пролетариата В.И. Ленина. Правда, в осенне-зимний период в зале было холодно. Что и отразили в песне собственного сочинения студенты-практиканты из Брянска на отчетном концерте:

А в Селечне клуб стоит,
Словно холодильник.
Если хочешь заболеть –
Приходи кино смотреть...

Было начато строительство пекарни, детского сада. Только, опять же, пекарня так и не начала выпекать хлеб, а в детском саду не зазвенели голоса детей...

По окончании 5-го класса, 12-летним подростком, я со своим другом Ю.С., целый месяц отработал на т. н. «сушилке» – предприятии по переработке свежескошенной травы в «муку», используемую на корм скоту. Вставать приходилось в пять часов утра. Находилась «сушилка» за селом, примерно в километре, рядом с построенным свиноводческим комплексом. За восемь часов работы мы покрывались темно-зеленой «мучной» пылью с головы до пят. А неподалеку было небольшое озерцо – «Ямка», где эту пыль можно было смыть. За месяц мы заработали что-то по 100 рублей на брата – хорошие по тем временам деньги.

С наступлением осени вся школа, начиная с 4-го класса, выезжала в поля, помогая, как те студенты, колхозу в уборке картофеля, моркови, свеклы. Эти моменты мне особенно дороги.

Старый автобус – медленно и словно нехотя – тащится по ухабистой, пыльной дороге. Машину то и дело, будто пьяную, мотает из стороны в сторону, подбрасывает, когда колеса наезжают на какую-нибудь неровность.

Я стою в конце салона, у окошка. Крепко держусь за поручни. Передо мной – старшие классники: парни и девчонки. Им – все ни почем, и ухабистая дорога тоже. Я обращаю внимание, главным образом, на девчонок. Потому что они: во-первых – красивые, во-вторых – поют! О любви. Звонкими, чистыми голосами.

А он мне нравится, нравится, нравится
И для меня на свете друга лучше нет!
А он мне нравится, нравится, нравится,
И это все, что я могу сказать в ответ...

Анна Герман пела эту песню...

Автобус останавливается. Прямо на поле, имеющем ярко выраженный зеленый цвет. Это свекла. Густая ботва склоняется от собственной тяжести книзу.

Небо – чистое.

Солнце поднимается все выше.

Становится жарко.

Сбрасываем с плеч куртки.

Приступаем к работе. Выдергиваем свеклу из земли и срезаем ножом ботву.

Перерыв!

Быстрый обед.

Немного еще работы.

Возвращение домой.

И снова – нешуточные девичьи страдания.

Там, где клен шумит над речной волной,
Говорили мы о любви с тобой.

Отшумел тот клен, в поле бродит мгла,
А любовь, как сон, стороной прошла...

После окончания 9-го класса, в начале июня, мужская половина, по распоряжению военкомата, была направлена в районный центр – на двухнедельные военно-учебные сборы. В течение этого времени мы должны были познакомиться с азами военной службы.

Жили в одноэтажном дощатом бараке. Спали по-спартански – на спортивных матах, на полу, без мягких подушек и простыней. Отбой в 23.00, после вечерней поверки, как

в армии, подъем в 7.00. После подъема – зарядка, умывание во дворе, холодной водой, завтрак. Затем – зубрежка воинских уставов, обучение ходьбе строевым шагом, различным строевым приемам, разучивание военно-патриотических песен, маршировка с песнопениями по улицам поселка.

По берлинской мостовой
Кони шли на водопой,
Шли, потряхивая гривой,
Кони-дончаки.
Распеваает верховой:
«Эх, ребята, не впервой
Нам поить коней казацких
Из чужой реки».
Казаки, казаки,
Едут, едут
по Берлину
Наши казаки!

Во время сборов мы впервые взяли в руки оружие. Настоящее, боевое. В специально оборудованном месте, за поселком, под бдительным оком сотрудников военкомата, – каждый допризывник сделал три выстрела по мишени «из положения лежа»...

Это было время, когда мы стали больше, а деревья «меньше».

Через несколько лет в стране случилась «перестройка». Шквальный ветер перемен достиг и моего села. Хозяйство стало стремительно приходить в упадок. В короткий срок все оказалось разрушено «до основания». Богатый прежде колхоз лишился трех- или пятидесяти тысяч поголовья свиней, нескольких

сотен коров (помещения свиноводческого комплекса, как и моя «сушилка», были разобраны до последнего кирпичика, до последнего листа шифера). На разрушающиеся здания Дома культуры и школы нельзя смотреть без горечи и грусти. Поля перестали засеиваться. Безработный люд потянулся на заработки в Москву. От 600 учеников осталось одно воспоминание. Сегодня в школе учатся 40 человек. Едва ли не половина домов стоят брошенными, с «пустыми глазницами окон». Перед «ослепшими избами» – густой, высокий бурьян.

Справедливости ради, надо сказать, что некоторым моим землякам не чуждо чувство прекрасного. Они стараются (по мере сил и возможностей) украсить свои дома – внутренне и внешне, на придомовую территорию любо-дорого посмотреть. На полях летом вновь колосится пшеница – это частная инициатива некоторых предприимчивых селян. Но в целом, нового, лучшего, мира не построено. Но это, как говорится, уже другая история.

Разумеется, любовь к отчужденному краю от всех этих «тектонических сдвигов» не уменьшается. Наоборот, она становится крепче, сильнее, возвышенней, хотя и с немалой долей печали.

Не могу сказать, чье чувство сильнее: мое или моей дочери. Они, чувства, в силу разницы в возрасте, других причин – несколько разные. Это естественно. Так и должно быть. Разубеждать же ее я, конечно, не буду...